

Бесплатное

иллюстрированное приложение

к № 46 за 1911 г.

„СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ“

А. П. Шаповъ.

Подобно тому, какъ теперь различаютъ въ литературѣ двѣ категории писателей, бытовиковъ, которые, благодаря своей восприимчивости къ вѣщимъ чертамъ дѣятельности, вмѣютъ даръ въ своихъ произведенияхъ живо изображать ее, и писателей, которые одарены способностью передавать переживания ума, волнующаго вопросы о жизни, ея тайнами, „мировыми загадками“, двѣ категории различаютъ и въ средѣ историковъ. Одни историки съ исключительнымъ искусствомъ умѣютъ передъ нашимъ взоромъ

шеніе семейной нравственности, въ то же время само разрушало сотни тысячъ семейныхъ союзовъ, въ своихъ казармахъ сотни тысячъ добрыхъ семейныхъ правителей превращало въ распутныхъ людей; какое огромное количество человѣческаго счастья принесено было въ жертву государству. Задолго до Петра началась централизованная дѣятельность. Москвитинъ и задолго до него появилось въ народной массѣ неудовольствіе противъ Москвы; оно выразилось въ бунтахъ и въ бѣгствѣхъ изъ центра государства на незаселенныя границы. Появилось бытовое явленіе—гулящие люди*. Половина великорусскаго племени превратилась въ гуля-

А. П. Шаповъ.

Н. А. Добролюбовъ.]

восстанавливать картины и образы прошлаго, это историки-художники, какъ, напримеръ, англійскій историкъ Маколей; другіе все свое стараніе употребляютъ на выселеніе механическихъ силъ, двигающихъ народными массами, на разоблаченіе тѣхъ вѣстныхъ вранствъ, которыя вызываютъ въ массѣ внутреннія измѣненія, какъ, напримеръ, нѣмецкій историкъ Шаоссеръ, англійскій Бокль. А. П. Шаповъ принадлежитъ къ послѣднему роду историковъ.

Историкъ великорусскаго племени, онъ остановился преимущественно на исторіи его разселенія, какъ на результатѣ дѣйствія центробѣжной силъ, заложенной въ народную массу. Это разселеніе представлялось историкъ, какъ реакція противъ московской централизаціи. Москва работала надъ государственными устройствами, надъ установленіемъ государственнаго порядка; въ интересахъ общаго блага нужно было подвинуть ему интересы частныя. При грубости нравовъ того стараго времени эта задача, централизаціи общественныхъ силъ, выполнялась варварскими средствами съ полнымъ пренебреженіемъ частныхъ интересовъ, съ униженіемъ человѣческой личности, съ нарушеніемъ человѣческаго достоинства. Для укрѣпленія государства была необходима постоянная армія; была введена рекрутчина, которая на долгія сроки, почти на дѣльный вѣкъ, отрывала лучшихъ зрѣлыхъ и здоровыхъ работниковъ отъ ихъ семей и ихъ хозяйствъ. Правительство, которое требовало, чтобъ населеніе смотрѣло на него, какъ на покровителя семьи, которое придумывало тяжелыя кары за нару-

щихъ людей. Бѣжали на Донъ, на Волгу и на рѣку Уралъ; побѣжали и далѣе на востокъ, за Уральскій хребетъ, въ Сибирь. Шаповъ нарисовалъ картину этого колоссальнаго бѣгства отъ „государственнаго порядка“. Бѣжали земскіе люди отъ истерическихъ налоговъ и повинностей, бѣжали сектанты отъ гоненій, бѣжали крѣпостные люди отъ помѣщичьего деспотизма; бѣжалъ народъ отовсюду, изъ городовъ изъ селъ, изъ казармъ, даже изъ школъ. Въ этой бѣглой Россіи раскольники составляютъ крупный процентъ. Внутри раскольничьаго міра выявляется, наконецъ, секта „бѣгунцовъ“, которая бѣгство отъ государства выводитъ въ религиозный догматъ, объявляетъ его единственнымъ путемъ спасенія. Въ бѣгунцахъ мы видимъ доморощенныхъ русскихъ анархистовъ. Они отрицаютъ всѣ человѣческія установленія, отрицаютъ государство, общество, семью; всѣ государственныя и семейныя уставы есть проваденіе сатаны; русскій царь—антихристъ; государственная печать—антихристовая печать, государственная служба—служба дьяволу, государственные платаніи—жертвоприношеніе сатанѣ. Жить въ этомъ мірѣ, цементированномъ ревшіями и папоротками, значить жить въ сквернѣ, въ табакѣ. Нужно спасеніе отъ этой скверны, а для этого нужно организовать противъ нея возстаніе, т. е. возстаніе противъ государственнаго порядка; сначала нужно создать армію противниковъ антихриста, а пока до времени все таки не мириться съ существующимъ порядкомъ, а

блжать из этого паспортного или табачного мира; если нельзя блжать из отдаленную окраину, то по крайней мѣрѣ, оставаться на мѣстѣ, считаясь въ блжати. Впрочемъ блжати убѣданы и далеко отъ своей родины, даже, судя по маршрутамъ, которыми они запасались, отравлялись въ блга, за предѣлы русскаго государства. Такъ, одинъ маршрутъ, приведенный у Шапова, указываетъ въ качестве отаповъ города Томскъ, Барнаулъ, рѣку Катунь, деревни Красный Яръ и Устубо; затѣмъ говорится о елѣнскихъ горахъ, за которыми начинается малая-то Кижская земля, а въ 40 дняхъ пути дальнѣ дукומרѣ Лобъ (Лобъ—портъ, который находится въ китайскомъ Туркестанѣ).

Блжати интересны, какъ крайнее выраженіе центроблжнхъ теченій въ великорусской народной массѣ, но какъ колонизаціонный элементъ они значительны не имѣютъ; ихъ догматы—личное ситаніе и отрицаніе всякой общественной организаціи—дѣлаютъ ихъ въ колонизаціонномъ отношеніи элементомъ совершенно бесполезнымъ. Но другіе сектанты и раскольники въ исторіи колонизаціи окраины московскаго государства, въ заселеніи Донецкой области, средней Воли и Иргиза, Яика и наконецъ Сибири сыграли большую роль. На Дону и на рѣкѣ Уралѣ блжлатъ, гулашная Русь вновь организовалась и образовала военно-казачьи области. На средней Волгѣ казачья организаціи не возникло, потому что здѣсь проходила международный торговый путь въ богатую Персію и московское правительство не поспешило на жертвы, чтобы взять его въ свои руки; тутъ сдѣлана московскіе воеводы и стоили пакеки войска. Сибирь пріобрѣтена была казаками, но и она по подобной же причинѣ не превратилась въ казачью область. Для такого обширнаго края съ такимъ громаднымъ разнообразіемъ естественнаго богатства и физико-географическихъ условий, такой кафантъ, какъ односторонняя и несовершенная военно-казачья организаціи, оказалась слишкомъ узкимъ. Лавалась, гениальный творецъ системы мѣра, возникшей изъ туманныхъ патентовъ, нашелъ себѣ сѣмьго подрядчика въ русской социологіи. Подобно Лаваласу Шаповъ построилъ систему образованія ряда областей на азіатской окраинѣ московскаго государства. Въ этой стройной картинѣ, нарисованной Шаповымъ, Сибирь является не единственной колоніей Россіи, а членомъ семьи колоній, членомъ самымъ послѣднимъ, самымъ крупнымъ и самымъ богатымъ какъ экономическими средствами, такъ и надеждами на развитіе гражданской и общественной жизни и всесторонней умственной дѣятельности.

Я скавалъ, Сибирь въ семьѣ восточныхъ колоній Россіи является послѣднимъ членомъ... На самомъ же дѣлѣ послѣднимъ является центроблжннго течения народной массы слѣдовало бы называть колонію «каменьщиковъ» выходящихъ въ вершинахъ Вухтары и Катуня. Это группа старообрядческихъ деревень (Уймаотъ, Фыкала, Сѣнная, Вѣлая), которая выселилась въ глухой центральный Алтай въ до-Екатерининское время. Долгое время «каменьщики» жили обособкомъ, устроившись по республикански, управлялись своей выборной властью въ лицѣ двухъ президентовъ. Они вступили вновь въ подданство Россіи на льготныхъ условияхъ при Екаторий П. Замѣчательно, что у этихъ послѣднихъ центроблжннговъ доселѣ еще живутъ центроблжннческіе поэмы. Между ними и теперь еще встрѣчаются бородатые мечтатели о какомъ-то Влловодѣ, которое находится за озеромъ Лобъ рядомъ съ какой-то Кавказской землей, гдѣ будто-бы живутъ русскіе люди по старой мѣрѣ.

Шаповъ съ благоговѣющимъ изумленіемъ останавливается передъ народной массой съ ея стлхннмъ строительствомъ; великій колонизаціонный размахъ расплылъ народную массу, но, подчиняясь какому-то скрытому въ ней истинному началу, масса начинаетъ вновь сплачиваться, организоваться. Этотъ новый элементъ то начало, которое славянофильмъ, слѣдуя стариннымъ наметкамъ, называлъ соборнымъ духомъ, (западникъ называлъ бы его ресубликанскимъ духомъ). Однако народное социальное творчество потеряло политическое фиско. Что мы видимъ въ концѣ концовъ? Дѣлъ новыхъ области, созданныхъ народными блжтствомъ отъ воеводской Русь, выдѣланы въ казачьи военные части; временныя свободоявольные основатели колоній обратились въ слугачей владыки, въ потомственныхъ городаевъ и будочниковъ, и вердиктъ служили въ рукахъ полиціи орудемъ для подавленія свободы въ русскою обществѣ. Третья область испытываетъ судбу обиженой провинціи, только недавно переставшей быть штрафной колоніей, и до настоящаго времени обойденной реформами.

Почему исторія такъ беспомощно наклемилась надъ народной мыслью создать другую жизнь, отблть на этотъ вопросъ у Шапова не выработано. Онъ задаетъ имъ, но отблть, который онъ даетъ, не звучитъ авторитетно. Члтая говоенія Шапова, только догадываемся, что промалъ народного дѣла нужно принести тому, что народная масса успела съ собой на новый мѣста имѣть съ хоронимъ консерватизмомъ и друной; имѣть съ другимъ богатствомъ она универсала и такую драгоценность, какъ есѣрѣе, а имѣть съ тѣмъ и отращеніе къ наукѣ, разрушающей есѣрѣе Шаповъ, просвѣтлнннй этикъ жестокимъ урокомъ исторіи, какъ будто своимъ поведеніемъ хотѣлъ загладить ошибку предковъ и вторую половину своей недальной жизни повелѣтъ богатствѣ своего ума знаніемъ результатовъ естественно историческихъ наукъ. Въ его книгѣ на многихъ страницахъ встрѣчается жалоба на глубокое неблжжество нашего народа и рождается примыкъ къ распространеному научнымъ попаній въ народной массѣ. Съ этимъ примыкомъ онъ обращается къ университетамъ; отъ университетовъ онъ ждетъ пресоборанія народныхъ позарій, впрочемъ не отъ вымѣнншихъ. Онъ недоволенъ формальнымъ отношеніемъ вышннней университетской науки къ народной жизни. Въ его статьѣ «Сельская община» вставлено нѣсколько сломовъ объ университетѣ, дающихъ попаніе объ его неадаптъ въ этой области. Нужно, писалъ Шаповъ, всякъ мѣрзину называть въ самодѣлѣ... стн въ самооткроепіи здарній практической смислѣ, добрую волю и могущи силы самого русскаго народа. Нужно дѣлательно стремиться, чтобы дать свободу самоопредѣленію и саморазвитію, а тамъ уже сама она (жизнь русскаго народа) выработаетъ такіе способы и принцыпны самообразованія и саморазвитія, какіе ей нужно по ея натурѣ, по ея природнымъ силамъ и дарованіямъ и вышннмъ физико-географическимъ условіямъ. Пустьъ жизнь народная сама своими устами скажетъ, что ей нужно. Университеты, говорятъ они дальнѣ, эта голова разумъ народного организма, которые должны бы выработывать программу и методъ народного саморазвитія, къ сожалѣнію, сами не имѣли свободнаго внутренняго саморазвитія, представляла казенныя замкнутыя корпораціи, отвлеченныя отъ жизни народной, а не земскіе, народные органы высшаго образованія. Профессора были не что иное, какъ чиновники, а не общественны дѣлатели—просвѣтители. По представленію Шапова, это тѣ же московскіе воеводы, хоти и въ современныхъ мушкетерахъ съ голубыми воротничками, способные въ народныхъ массахъ развитъ только центроблжннуу силу.

Г. Потанинъ.

Ф. П. Шевченко.

«Значимый украинскій поэтъ»—таково установившееся въ наше время мнѣніе о Шевченкѣ. Но мнѣніе это далеко не сразу установилось. Когда въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія появились въ свѣтъ его лучшія произведенія—«Катерина», «Наймичка», «Гайдамаки», «Топалъ» и др., то тогдашняя петербургская критика отнеслась къ нимъ холодно и даже неосуществлено. И въ этомъ неспоминаніи поэзіи Шевченко повиненъ даже самъ Влннскій. Отказы критики не привели къ отчаянію Шевченко. Онъ писалъ по поводу этихъ отказовъ: «нехай бо музиканта поэтъ, аби тільки поетъ».

Вотъ правильное опредѣленіе Шевченко—поэтъ, истинный, влстоющій поэтъ, такой, каковыя являются, шармѣръ, Пушкинъ или Лермонтовъ. Далѣе, Шевченко—музичскій, крестьянскій поэтъ, съ небухалой силой образованій мужичкуу знанія. Нужно прибавить: Шевченко—украинскій поэтъ. Онъ въ полномъ смыслѣ слова національный вилстелъ: въ его писаніяхъ отразилась, какъ въ зеркалѣ, украинская народность въ промѣнѣхъ и тогдашнемъ настоящемъ.

Собраніе художественныхъ произведеній Шевченко называется «Кобзарь». Кобзарь—исторически сложившійся въ Украинѣ образъ народного влнца. Шевченко съ особенной влннностью и любовью рисуетъ образъ кобзара и самъ овладѣваетъ ему. Подобно кобзарю, онъ поетъ по старину украинскую; въ его писанія встаетъ изъ своихъ могилъ, давно поросшихъ травомъ, гетманы, запорожцы, гайдамаки, Семетъ Налій, Гамалія, Богданъ Хмельницкій, Гонта, Залышальскіе...

Т. Г. Шевченко.

И. С. Аксаковъ.

Н. Л. Гондатти,

Штабс-ефендр Двора Е. И. В., приваурскій генералъ-губернаторъ, въ бытность свою Томскимъ губернаторомъ приобрѣлъ популярность и 9 февраля избранъ томской городской думой почетнымъ гражданиномъ г. Томска.

М. М. Миллюновъ,

скончавшійся 20 февраля (см. № 41 Сиб. Жизнь) оставилъ, какъ извѣстно, все свое состояніе—богѣе двухъ сотъ тысячъ руб. городу на устройство богадѣльни. Подоймой много лѣтъ держалъ въ арендѣ городской перемысь черезъ рѣку Томи и, жалея крайне скромно, старательно копилъ деньги для разв. намѣченной цѣли, считая себя не хозяиномъ своего имущества, а „приказчикомъ г. Томска“, какъ онъ самъ говорилъ.

Поэт он и про тяжёлую долю украинского мужика в его время. А его время это—время крѣпостного права. Он—пѣвец крѣпостного права или, лучше сказать, пѣвец ужасов крѣпостного права. Изыското, что художественная литература сыграла видную роль въ дѣлѣ подготовки крестьянской реформы. Литература изображала невыносимое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, провозглашала и самоудрово поощряла и тѣмъ содѣйствовала украинію въ общественномъ сознаніи освободительныхъ идей. Среди писателей художникомъ этого направленія одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Шевченку. Кроваво своего сердца онъ писалъ объ ужасахъ крѣпостного права. Онъ на себѣ и на своихъ близкихъ испытывалъ весь гнѣтъ крѣпостной неволи.

Шевченко—сынъ крѣпостного крестьянина Кіевскаго губернія. Годика 25 февр. 1814 г. Въ дѣтствѣ испытывалъ разнообразныя превратности судьбы, вынававшая на долю крѣпостного крестьянина: былъ въ обученіи у маляра, пастухомъ овецъ, вогонимымъ въ священника, казачкомъ въ домѣ помѣщика; злѣмъ, отдаётся снова въ обученіе малярному ремеслу сначала въ Варшаву, потомъ въ Петербургъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, благодаря случайному стеченію обстоятельствъ попадаетъ въ академію художествъ. Учитя живописи и начавъ писать стихи. Шевченко—художникъ-живописецъ и писатель-художникъ. Но онъ—крѣпостной крестьянинъ. Много усилій понаводилось со стороны лицъ, принявшихъ участіе въ судьбѣ Шевченки, для того, чтобы добыть ему свободу. Въ 1838 году Шевченко былъ освобожденъ (выкупленъ въ его помѣщика Зингаларда). Начинается лучшая пора его литературной дѣятельности. Но эта пора недолго продолжалась. Въ 1846 г. Шевченко принималъ къ тайному кружку „Кириндо-мееодическому братству“. Былъ привлеченъ къ отпѣтственности и приговоренъ къ ссылкѣ въ Оренбургскія степи. Освобожденъ былъ изъ ссылки только въ 1857 г. Зѣркъ черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія закона объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и за нѣсколько дней до объявленія манифеста о воляхъ—26 февраля 1861 года.

I. М.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Иванъ Сергѣевичъ родился 26 сентября 1823 года, воспитаніе и обученіе сначала шло дома, его отецъ на эту сторону жизни своего сына обращалъ самое серьезное и основательное вниманіе. Изъ семействъ Аксаковыхъ дворянъ посплошью вращалась среди старшихъ, жила ихъ жизнь, ихъ интереса. Среди такой взрослой атмосферы у десятилѣтняго Ивана Сергѣевича развивалась страсть къ чтенію газетъ, но нимъ онъ съ увлеченіемъ слѣдилъ за политическимъ горю-обитомъ Европы. Очень рано проявилась у него и писательская жажда, по прочтеніи одного изъ дѣтскихъ произведеній Ив. Серг-ча отецъ восторженно сказалъ—„Иванъ будетъ великимъ писателемъ“, знакомые Аксакова вполнѣ согласились съ Серг. Ивановичемъ, такъ какъ богато одаренная духовная натура давала себя ярко чувствовать въ неудачахъ и неостановившей фигурѣ мальчика. Отданный затѣмъ въ петербургскій институтъ правовѣдѣнія Иванъ Серг-чъ окончилъ его въ 1842 г. Въ университетскіе годы молодой Аксаковъ страстно увлекался Шлегелемъ и Гете, ѣздилъ въ Германію „поклониться, какъ онъ говорилъ, святыхъ поэзіи и философіи“, совершая свое „наломничество“ въ Европу.

Ко времени окончанія ученія Ив. Серг-ча въ обществѣ циркулировало неизбѣжное убѣжденіе въ томъ, что каждый юноша обязательно долженъ поступить на государственную службу. Насколько

онъ твердъ и распространенъ былъ этотъ взглядъ, свидѣтельствуютъ саркастическіе афоризмы Кузьмы Пруткова—„Только на государственной службѣ познаешь истину!“ Поступить же по школьной скамьи въ московскій Сенатъ, развитой, начитанный, образованный юноша Аксаковъ сразу почувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, а чиновничій мѣръ открылъ ему такую „истину“, которую онъ закрывалъ въ своей поэтической любви „Жизни чиновника“. Поэма охватываетъ три періода этой жизни.—„Служить или не служить? да, вотъ вопросъ“ но газетовская сираниваетъ себя юноша, но демось службы заманиваютъ соблазнами:—„И вѣжливо высше, дорога тобой, грядъ украсить лентою, обшить зѣлѣдой. Не ищи фортуны, милости случайной, будешь ты дѣйствительный, будешь ты тайный“. Къ концу третьяго періода жизни у чиновника получается крайне печальный выводъ: „Ни пользы никому, ни блага для отчизны, ни счастія памяти, ни своего слѣда“... Таки мысли, приходя все чаще и чаще къ голову Ив. Серг-ча, принудили его бросить мѣсто секретаря среди „архангельскихъ старцевъ“. Особое вниманіе заслуживаетъ его служба прокуроромъ казачьей, а потомъ астраханской судебной палаты; на эту постъ онъ сознательно пошелъ, задавшись дѣлать и вадать; хотя бы, въ тотъ протестъ правды и справедливости и освободить, какъ можно больше людей отъ избыточно расточаемыхъ плетей. Борьба оказалась неосильной Ив. Серг-чу, и онъ оковательно ушелъ съ „государственной службы“. Къ этому времени онъ совершенно убѣдился, что его поэтическая муза дивна и „воздушности формъ“ и „красоты экспрессии“, а потому благооворотно переходитъ въ разрядъ публицистовъ.

Принимая участіе въ газетѣ „Дѣло“, онъ сразу составляетъ себѣ имя пламенного и искреннаго писателя, къ которому за вѣрность своимъ убѣжденіямъ относились съ глубокимъ уваженіемъ его литературные противники. Особое вниманіе Ив. Серг-ча было обращено на выясненіе деталей въ проведеніи крестьянской реформы, онъ неутомимо раскрывалъ ту огромную пропасть, которая зияла между тѣмъ, что должно было быть сдѣлано по первоначальному замыслу, и тѣмъ, что было практически выполнено на самомъ дѣлѣ.

Въ 1855 году Аксаковъ сдѣлалъ рѣзкій выпадъ въ газетѣ „Русь“ по адресу нашихъ дипломатовъ, газета получила предостереженіе: „не обсуждать текущія событія тономъ, несомнѣннымъ съ истиннымъ патриотизмомъ“. Аксаковъ отбѣдилъ еще рѣчею „по адресу министерства внутреннихъ дѣлъ, въ ней арко высказалъ отчаянный воборникъ свободы печати: „Орудіе дѣятельности общества“, неустанно писалъ Аксаковъ, „есть слово, во превращеніи печатное. Поэтому стѣсненіе печатнаго слова, когда являлся въ немъ потребность, когда стало быть въ народѣ возникло общество,—есть нарушеніе правды и справедливости общественной организаціи, есть ущемленіе жизни общества, а сдѣлательство осяно для самаго государства, доущающаго такое стѣсненіе... Однимъ словомъ, если государство желаетъ жить, то должно соблюдать непрѣмѣнныя условія жизни, въ которыхъ смерть и разрушеніе; условіе жизни государства—есть жизнь общества. Условіе жизни общества—есть свобода слова, какъ орудія общественного сознанія“...

Крупная газетная неприятность усилила болѣзнь сердца, и Ив. Серг-чъ скончался 27 января 1886 г...

Пав. Николаевъ.

Редакторъ Г. Б. Вантовъ.

Издатель Сибирское Товарищество Печ. Дѣла.